

АНТОН ЛЕМЕСЕВ

ПОВЕСТИ О ВЗРОСЛЕНИИ

Антон Владимирович Лемесев

Повести о взрослении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547960

ISBN 9785448320026

Аннотация

Включенные в сборник повести развивают одну сюжетную линию. В «Рыцаре и времени» компания школьных друзей сталкивается с типичными для подростков проблемами: страхом перед будущим, трудностями самоопределения и скукой. Герои повести расстаются со старыми иллюзиями и оказываются в плену новых. «Заключительная церемония» продолжает историю персонажей из «Рыцаря и времени». Повзрослевшие друзья заканчивают учебу в университете и готовятся к началу взрослой жизни.

Содержание

Рыцарь и время	5
1	10
2	14
3	21
4	28
5	33
6	37
7	42
8	49
9	57
10	59
11	66
12	71
13	74
14	76
15	79
16	81
17	84
18	88
19	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Повести о взрослении

Антон Владимирович Лемесев

Иллюстратор Александра Барановская
Дизайнер обложки Анастасия Шишканова

- © Антон Владимирович Лемесев, 2017
- © Александра Барановская, иллюстрации, 2017
- © Анастасия Шишканова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-2002-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыцарь и время

Посвящаю школьным друзьям, без которых
не было бы этой повести,
и семье, без которой бы не было меня

Не помогли тому его доспехи.

Песнь о Роланде

Недавно наша семья переехала. Поселились мы в новом районе на краю города. Дома там строятся прямо посреди поля. Поле – заросшее и бескрайне пустое. Над ним постепенно вырастают высокие новостройки. Рядом с ними ровными рядами выстроились частные домики, которые построили еще до нашего прибытия. Я вижу, как приезжают машины, слышу, как кричат дети и как работает строительный кран, и постепенно привыкаю к новому месту.

Вместе с нашей семьей переезжало много вещей. Их было куда больше, чем нас самих. Все вещи мы свалили в одну комнату. От этого она стала похожей на склад.

Я высунулся из окна и увидел поле. Оно раскинулось вплоть до размытой линии горизонта. Мертвые головы репья качаются на ветру. Смотря на поле, я чувствую пустоту, которую хочется заполнить.

Я перевел взгляд на комнату и увидел вещи, беспорядочно раскиданные на полу. Человек очень сильно к чему-то привязан.

Родители долго ждали переезда, потому что на старом месте в нашей жизни ничего не происходило. Папа постоянно говорил о смене обстановки, а сестре хотелось отдельную комнату. Раньше мы с ней жили сообща. Теперь у нее есть своя собственная комната. Это обещает мне больше свободы.

Однако мне выделили комнату-склад. Поначалу это меня огорчило, ведь я совсем не мог развернуться в этом нагромождении вещей. Но папа пообещал в скором времени освободить комнату. Я согласился и попросил привести в порядок компьютер. Мы раскопали его из-под завалов, собрали по частям и поставили на стол в углу.

Я попробовал поиграть в историческую стратегию, но ничего не вышло. Моих рыцарей нещадно расстреливали вражеские лучники. Я проиграл оборону замка и решил заняться чем-нибудь другим.

Я вышел во двор. Он у нас вполне ничего. Есть газон, песочница, кольцевая асфальтовая дорожка, цветы, небольшое деревце. Его посадил сосед. Он уже седой и немного хромает. Я помахал ему рукой. Он помахал мне в ответ. Я спросил, можно ли посмотреть, как он будет сажать дерево. Он разрешил. Потом мы немного поболтали. Сосед сказал, что давно мечтал о своем собственном доме. Родом он из деревни. Воювал. Был ранен. Потом работал на заводе. Когда СССР развалился, он открыл фирму и стал успешным бизнесменом. Так и накопил на дом.

Сосед сказал, что ему надо кормить собаку, и ушел. Он улыбнулся мне вслед. Я увидел его пожилую жену. Мне показалось, что по молодости она была ничего. Еще я разглядел его собаку. У собаки коричневая спина и черная мордочка. Она быстро виляет хвостом и громко лает. Я бы хотел как-нибудь с ней прогуляться.

Дома я спросил папу, хотел бы тот иметь собственный дом. Папа сказал: «Да». Но сейчас он рад тому, что есть.

Я с детства мечтал о собаке. Я все время воображал, какая у меня может быть собака. Она может быть либо большой и мохнатой, либо маленькой и с длинными ушами. По-другому никак. Мы бы вместе гуляли, я бы мог купать ее в ванной с шампунем. Она бы брызгала на меня водой и лизала щеки. Я бы научил ее различным командам. Мы смогли бы участвовать в собачьих соревнованиях. Если бы моя собака выиграла, я бы купил ей красивый ошейник с табличкой, где выгравировано ее имя

Мы бы очень хорошо проводили время вместе.

Я не могу сказать, что без собаки ощущаю себя одиноко. В конце концов, у меня есть сестра.

Когда мама была беременной, я думал о братике. Но родилась сестра. Поначалу, конечно, я немного грустил. Казалось, что меня разлюбили. Но потом мы с сестрой сдружились. Как-то раз родители ушли за покупками и оставили нас дома одних. Я подошел к сестре. Она играла с куклой. Я скорчил рожу. Сестра засмеялась. Я тоже засмеялся. С тех пор мы хорошо ладим. Хотя до этого я ее частенько обижал. Ведь я не смог до конца забыть, что хотел братика. Мы с сестрой лазали за диван, играли в войнушку и в динозавров. Однажды в пылу сражения я кинул в сестру кубиком, и она заплакала. Потом я тоже заплакал, потому что мне стало ее жалко, и я боялся наказания.

Вообще, родители у меня не строгие. Конечно, когда я был маленьким, они заставляли меня рано ложиться, запрещали смотреть, как в фильмах целуются и обжимаются. Папа был не против показать мне фильмы ужасов из своей коллекции, но мама противилась. Она не хотела, чтобы я заработал травму психики. Но это все равно случилось. Только по-другому.

В один день, когда я еще ходил в садик, мама долго не забирала меня домой, и мне показалось, что я остался совсем один на свете. Потом, конечно, мама пришла. Но с тех пор я понял, что быть одному очень грустно.

1

Наши соседи – это семья из трех человек: папа, мама и их дочь. Как-то раз мы вместе ужинали. Сестра решила остаться дома смотреть телевизор. Правильно, с кем ей в гостях играть. Я-то заинтересовался соседкой. За столом я сидел напротив нее и время от времени на нее поглядывал. Я запоминаю внешность людей не сразу, а по кусочкам. Вот что я заметил после нашей первой встречи с соседкой: прямые волосы каштанового цвета, тонкие губы (нижняя чуть толще верхней), немного приподнятый кончик носа, ногти без маникюра, голубые глаза и родинка с левой стороны подбородка.

Соседка тоже на меня посматривала. Я не сразу понимаю, что люди обо мне думают. Но вообще мне показалось, что она не против моей компании. Когда родители разговаривали о перспективах на будущее, я закатил глаза. Соседка заметила это и быстро улыбнулась.

Ее родители не похожи на моих. Отец у нее более серьезный, чем мой. Он все время рассказывал о бизнес-плане своей конторы по установке кондиционеров. Говорил, что с учетом глобального потепления он рассчитывает на серьезную прибыль в следующем году. Мой папа в ответ кивал и все пытался сменить разговор на историческую тему. Когда-то отец закончил истфак, но сейчас он работает в отделе городско-

го планирования. Папа не мог подхватить разговора о кондиционерах, а сосед был не в силах развить тему экономики России рубежа XIX и XX веков.

Женщины не стали вмешиваться в разговор мужей и шептались о чем-то своем. Я мог услышать, как они обсуждали покупку косметики через интернет.

Потом на некоторое время за столом установилась тишина. Но тут соседская девушка намекнула на десерт, и вскоре мы уже всюду хлебали чай. Папа предложил сделать прогноз на будущее. Сосед предположил, что финансовый кризис обойдет Россию стороной, а партия власти останется у власти. Отец и тут отличился. Его понесло. Он начал громко говорить, что вновь урежут зарплаты бюджетникам и поднимут цены на продукты первой необходимости. Тогда сосед достал хлеб, соль, спички и разложил все это на столе. А потом сказал, что вот они – продукты первой необходимости. Что по сути это очень простые вещи, и остаться без них было бы просто нелепо. В случае чего он даже обещал помочь. Отец унялся. Мама косо на него посматривала. Я понял, что ситуация застопорилась. Но тут на помощь снова пришла соседская девушка. Она сказала, что пойдет к себе в комнату, и невзначай предложила мне к ней присоединиться.

Я впервые был в комнате девушки. Раньше мне всегда казалось, что это что-то нереальное. Но в комнате моей соседки оказалось вполне привычно. Я оценил цветовое соотношение интерьера, компактную мебель и постер с Ларисой

Мондрус. Я и не думал, что кто-то до сих пор ее слушает. Но тут девушка скорчила такую физиономию, что я перестал сомневаться.

У нее на стене висела старая карта мира. На ней еще были ФРГ и ГДР. Соседка упомянула своего деда, который служил в ГДР. Он описывал ей Бранденбург пятидесятых. В нем тогда было полторы тысячи проституток и две тысячи эссесовцев. Моя соседка рассмеялась. Во время смеха у нее на щеках образуются ямочки. А я, когда смеюсь, то чувствую себя глупым.

Мы сидели на кровати и обменивались информацией, какой обычно делятся незнакомые люди при первой встрече. Моя соседка расспрашивала меня насчет старой квартиры. Но я не очень хотел рассказывать о том, что уже позади. На кухне все еще болтали наши родители. За окном шумела автомобильная сигнализация. Все происходило как-то само по себе. Время текло в разных плоскостях. Я сказал об этом вслух.

– Хватит умничать, – сказала соседка.

Эта фраза меня приободрила. Иногда меня «не в ту степь заносит», как выражается моя бабушка.

Поговорка понравилась моей соседке. Я решил еще чем-нибудь таким выделиться и прочитал ей стихотворение Маяковского. Оказалось, что ей не нравятся футуристы. Она больше ценит символистов. Соседка называет их «изящными» и вспоминает строки из Северянина.

Вскоре ужин закончился. Я не хотел расставаться с соседкой.

На прощание каждый друг другу что-нибудь пожелал. Отец сказал соседу, что они еще как-нибудь обсудят экономику России, мама попросила переписать у соседки «тот чудесный» рецепт песочного печенья. А я тем временем долго соображал, как бы распрощаться со своей новой подругой так, чтобы потом поскорее увидеться вновь.

– Надо будет разобраться в перспективности нашего района, – сказал я в итоге.

Она поняла намек.

2

Раньше я думал, что мечта – это что-то недостижимое. Вроде как полет на Луну или выигрыш в многомиллионной лотерее. Я воображал себе что-то заоблачное, а потом ощущал себя слишком слабым для достижения подобных высот фантазии. Но потом мне стало ясно, что мечта состоит из множества целей.

Когда-то я решил стать писателем. Тогда это была самая настоящая мечта: идеалистичная и подпорченная сомнениями. Я пробовал писать на очень многие темы. Вот некоторые из них:

- любовь
- смерть
- одиночество
- отчаяние
- насилие
- недостижимость идеала

Я размышлял над вопросами:

- как человеку добиться счастья?
- как доказать всем, что ты чего-то стоишь?
- как быть самим собой?
- почему в жизни все так непросто?
- почему так важно быть с кем-то?

Начинал я, конечно же, со стихотворений. Я рифмовал

все подряд и находил это занятие весьма легким. Один раз я начитался какого-то поэта и поставил себе план: по стихотворению в день.

Тогда я еще не обладал чувством самоиронии и считал свое творчество чрезвычайно трагичным.

Вот пример моей тогдашней поэзии:

Мы встречались на закате.
На закате встречались мы.
На закате мы когда-то встречались,
И однажды в закат ушли.

Потом на меня что-то нашло, и я избавился от тетрадей со своими стихами. Я рвал тетради одну за другой, складывая обрывки в мусорный мешок. В тот момент я чувствовал себя очень свободно. Я избавлялся от самой настоящей обузы.

Потом я решил писать только прозу. Мне показалось, что я смогу избавиться от надуманной романтики, прекратив рифмовать «страх» и «прах». Перед этим я прочитал книгу Кинга «Как писать книги». В ней автор давал много всяких советов и рассказывал про то, какой он сейчас успешный. Я не брал в расчет местные реалии и следовал совету Кинга, набирая по две страницы печатного текста в день. Из-под моих рук выходили рассказы, повести и эссе. Мне казалось, что я гений. Тем временем мою гениальность мало кто замечал. Из издательств не отвечали, школьный учитель по ли-

тературе лишь кратко резюмировал мою писанину и каждый раз приговаривал:

– Главное, не забрасывай.

Я следовал этому совету и писал как помешанный. Родители считали, что у них растет необычный ребенок.

Я планировал написать роман. У меня даже была специальная папка, куда я собирал заготовки для книги. Еще я вел десяток txt-файлов с заметками. Я распечатывал каждую страницу и скрупулезно правил текст. Мне хотелось достигнуть совершенства.

В один момент развитие сюжета остановилось. Перечитав написанное, я пришел в отчаяние: то было сплошной ложью. И я решил заморозить проект.

По совету Кинга я пробовал посылать рассказы в литературные журналы. Не отвечали.

Я пробовал продавать рассказы в школе. Из-за этого меня вызвали к директорше. Та подозревала меня в распространении подрывной литературы. Впрочем, один мой рассказ на военную тематику пришелся директорше по нраву. Там еще писалось:

«Сырая земля под ногами и серые облака над головой. Повсюду слякоть и лужи. На душе тяжело и тоскливо, и так же искорежен мой разум, как черные уродливые ветви голого осеннего леса. Осень, вот что такое осень, не та прекрасная пушкинская, а суровая и грязная, как и есть в жизни».

Рассказ «Друзья» выставили на городской конкурс рассказов на тему Великой отечественной войны. Я занял третье место. Один из членов жюри – полный мужчина с бородой – спросил меня, воевал ли кто-то из моих родственников. Я рассказал про погибшего прадеда. Член жюри уточнил, не рассказывал ли мне кто-нибудь фронтовые истории. Я ответил: «Нет». Разве что только дед про свое голодное военное детство. Дед клянется, что ни за что не желает никому пережить подобное. Он рад, что мое детство прошло без голода и бомбежек. Говорит, что цель моей молодости состоит совсем в другом. А бабушка только и рада подлить мне чай да подсунуть горячую плюшку вприкуску.

Я честно признался члену жюри, что читал про войну в книгах, видел ее в фильмах и в компьютерных играх. Тот похвалил мою фантазию, но отметил, что в рассказе не хватило правдивости и художественности. Потом он отвел меня в сторону и спросил, не играл ли я в Call Of Duty. Я подсказал ему прохождение в одном из уровней.

Уже в свои годы я могу сказать, что литература доставила мне много проблем.

«Друзей» директриса-то одобрила. Но это было до того, как она наткнулась на рассказ «Борцы».

«Есть один человек, которого я терпеть не могу. У нее противные очки в черной оправе и жуткое платье в горошек. От нее пахнет духами столетней давности. Каждый раз, когда я ее вижу, я жалею, что не родился слепым.»

Этот человек терроризирует всю академию. Мы – Борцы – объединились, чтобы свергнуть ее».

Так начинался рассказ.

Директриса угадала в нем пародию на себя и на некоторых других учителей. Созвали педсовет, отчитали меня у доски. Там были и мои родители. Хорошо, что они встали на мою сторону, защищая разгул юношеской фантазии. Я признался, что писал про студенческие бунты царской поры и вообще не мечтал поднять школьников на восстание против учителей. Такое оправдание понравилось нашей учительнице по правоведению. Она – женщина старой закалки – любит рассказывать нам на уроках про подвиги революционеров. Она-то и предложила директрисе посмотреть на мой рассказ под другим углом.

Вскоре с меня сняли всякие подозрения. Впоследствии я прекратил продавать рассказы. И вот уже очень долго я ничего серьезного не писал.

Литературная карьера перестала быть для меня мечтой.

Другое дело цель. Поставил ее перед собой и выполняй.

У меня было много целей в жизни, которые я успешно выполнил:

- научился кататься на велосипеде
- смог проплыть километр без остановки
- дожил до выпускного класса
- прочитал «Войну и мир»
- дошел пешком до края города

– однажды получил пять за четверть по математике.

Есть и другие достижения. Всех я просто не припомню.

Я решил ставить цели и добиваться их. Только так я смогу двигаться по жизни дальше.

Я прочитал соседке Маяковского.

Пригласил ее погулять.

Я отправил свои рассказы в двенадцать различных изданий.

Я добьюсь еще большего.

Мне бы только чуть-чуть сил, кого-нибудь рядом, солнечной погоды и хорошей музыки.

Завтра я пойду на разведку по району. Мне бы только не нервничать в компании соседки. Пусть не думает, что я не уверен в себе.

Перед сном я обхожу нашу новую квартиру. Я бы сравнил ее с нашей старой, но в этом нет особого смысла. Ведь есть «тогда» и есть «сейчас». На кухне мама читает книгу. Я целую ее в щеку и желаю доброй ночи. Часы на стене отсчитывают свой ход. Отец изучает какие-то бумаги в своей комнате. Он погружен в чертежи городской застройки. У него грядет важный день на работе. Мы немного ругаемся, когда я помогаю составлять ему презентацию в Power Point. Но мы сразу же миримся. Папа треплет мне волосы и желает добрых снов. Настольные часы отмечают звуковым сигналом наступление следующего часа. Сестра никак не отползет от телевизора. Там идет очередной сезон «Минуты славы». Ни-

чего интересного. Одни танцы да акробаты. Таланты в стране, видимо, закончились. Жюри ругает конкурсанта за слабые старания. Это и ко мне относится. Иногда по телеку дело говорят. Приходит мама и отгоняет сестру от ящика. Сестра вредничает, но вынуждена уступить. Куда ей против мамы.

– Посмотри на часы, время уже не детское, – говорит она сестре.

Та дуется. Говорит, что на меня детское время не распространяется. Тогда я объясняю сестре, что устал и иду спать именно по этой причине. Она трет глаза и соглашается с таким раскладом дел.

Я тушу свет и ложусь в кровать. Поначалу не могу заснуть. На полу темнеет бесформенная груда вещей. Сразу и не поймешь, что в ней навалено. Во дворе паркуется машина. Свет ее фар отражается от окна и попадает на склад вещей. Интересный получается орнамент.

3

У меня есть друг. Мы учимся в одном классе. Раньше мы еще ходили в один и тот же садик. Но тогда мы не общались. Я был занят играми, а мой будущий друг все время сидел где-то в сторонке.

В школе мы как-то сразу сдружились. Я не помню, как это точно произошло. Вроде бы, на школьной линейке. Тогда я заскучал и обратился к Диме, который стоял рядом со мной.

– Ты же меня раньше никогда не замечал, – сказал он.

– Было дело, – ответил я.

И с тех пор мы постоянно вместе.

Недавно Дима рассказал мне про японский фильм. Его главный герой – виолончелист. Он долгое время играл в оркестре. Потом у него возникли проблемы с деньгами. Он продал свой дорогой инструмент. Затем они с женой переехали в небольшой городок. Там главный герой начал искать работу. Он устроился в компанию. Потом оказалось, что это похоронная компания. Главный герой стал изгоем. Параллельно с украшением покойников он вел поиски своего отца. Они расстались очень давно, когда родители музыканта развелись. На прощание отец оставил своему сыну камушек. Благодаря ему они снова встретились. Правда, в момент их встречи отец главного героя был уже мертв. Сын проводил родителя в последний путь по всем традициям.

Дима много раз ходил на похороны. Он побаивается этой процедуры, но его каждый раз берут с собой родственники. У Димы их достаточно много. И они часто умирают. Как говорит Дима, население земли сейчас уже больше шести миллиардов. Так что это вполне закономерный процесс. Всем вместе нам бы очень тесно жилось. А сколько бы стояло людей в очередях на квартиру. Может быть, мы с семьей даже не смогли бы переехать на новое место.

Один умирает. Другой живет. Один освобождает место. Другой встает на его место.

Простой закон жизни.

Я всего пару раз был на похоронах. Хочу сказать, что жизнь нравится мне куда больше смерти. Смерть – это совсем не жизнь. Поэтому о ней вовсе не стоит думать.

Но о нелюбимых вещах тоже волей-неволей задумываешься. Иначе как понять ценность того, что любишь.

Нас с Димой нельзя назвать неуспевающими учениками. Учимся мы неплохо. У меня, к примеру, четверки по всем предметам, кроме литературы, истории и английского. У Димы тройка по алгебре. Раньше родители ругали Диму за плохие оценки. Теперь, когда мама Димы ходит беременной, в их семье есть дела и поважнее.

Дима относится к учебе по-философски. Вообще, у него философский взгляд на жизнь в целом. Дима может по-особенному задержать взгляд на одной точке и при этом вести долгий рассказ. В такие моменты он выглядит на все сорок

лет, хотя у него еще даже не растет борода.

Дима много говорит. Он любит обсуждать Вторую мировую войну. Он знает, кто командовал разными фронтами. Такие обсуждения отнимают у нас много времени, хотя в глубине души я боюсь войны. Но иногда я представляю, как над домом гудят бомбардировщики, как гремит от взрывов земля. Тогда я хватаю в руки ружье и встаю грудью на защиту семьи.

Скажу честно, я бы взялся за оружие только в случае войны. В мирное время можно принести гораздо больше пользы другими способами.

Дима переживает, что его могут взять в армию. При этом Дима считает войну необходимым фактором для продвижения истории. Но я его успокаиваю, ведь у него плохое зрение. Не должны взять.

Мечта Димы – стать машинистом поезда. Дима говорит, что не получится. У него ведь плохое зрение.

Мой друг часто ссылается на свою нерешительность. Он говорит, что лучше иногда ничего не получить, чтобы потом ничего не потерять.

Мне тоже не хватает решительности.

Однажды у меня был шанс встречаться со своей одноклассницей.

Поначалу она не реагировала на меня. Но как-то раз мы встретились после уроков. Была зима. Кругом лежало много снега. Все было белым.

Одноклассники кидались в девчонок снежками.

Я бежал за своей одноклассницей. И вот, догнав ее, я повалил ее в снег. Нас как будто засосала в себя земля. Я не помню ничего, кроме лица одноклассницы. Оно выделялось на белом фоне. Я был к ней очень близко. Я приблизился еще ближе и поцеловал ее. Это был мой первый поцелуй. Я не помню его вкуса, но помню его тепло.

На следующий день одноклассница подошла ко мне во время перемены. Она просто на меня посмотрела. От этого я ощутил неловкость.

В другой раз мы с классом делали общую фотографию. После мероприятия я подошел к своей однокласснице и сказал, что нам нужно поговорить. Тут нас кто-то перебил, и я потерял нужные слова.

Мы переписывались по смс. Я научился очень быстро печатать. Даже быстрее, чем рассказы. Я писал ей много всего о себе. Она отвечала тем же. Мы обсуждали свое настроение, шутили, делились мнениями об окружающих нас людях. Как-то раз я прислал ей свои рассказы. После их прочтения она назвала меня «необычным».

Однажды одноклассница привела меня на задний школьный двор. Там росли яблони. Они стояли все в снегу, словно сделанные из ваты. Все вокруг было белым, мягким. Не осязаемым. Я чувствовал себя точно так же. Одноклассница что-то сказала насчет нас. Я ответил, что не против. Потом я проводил ее до дома. На прощание мы обнялись. Через

куртку я ощутил тепло ее тела.

С того момента в моей жизни начались изменения. Я их боялся.

Прежде меня все устраивало. У меня были нормальные отношения с родителями, положительные оценки в школе. Был компьютер, друг, свободное время после уроков, любимая музыка и игры.

Но мне все равно чего-то не хватало. Иногда я лежал и долго не мог уснуть. Ночь казалась мне страшно пустой. Вроде как она опустошала и меня. И мне было приятно представить что-то теплое, прижимающееся ко мне.

И я многое вспоминал.

Вспоминал детство. Страх темноты. То, как я засыпал с включенным светом. Как мама читала мне сказки.

Но сейчас я взрослый и по идее не должен бояться.

Однако темнота делала меня задумчивым и податливым на сантименты. И я прокручивал в голове всю свою жизнь. Среди равного соотношения плохих и хороших воспоминаний я пытался отыскать недостающий элемент.

Могла ли мне помочь моя одноклассница?

После нашего разговора за школой я начал часто о ней думать. Я заметил, что в моих мечтах и в реальности она была разной. В школе я ее чуждался. Я не мог понять, что у нее в голове. Я перечитывал ее смски. Они сливались в кашу из букв, и я не улавливал их смысла.

Мы пару раз ходили с ней в кафе. Я тратил все карманные

деньги, которые откладывал на книги и игры.

Она всегда много говорила. Часто я просто слушал.

И вот один раз я обнял ее на прощание, а она почувствовала что-то неладное. Она спросила в смс: «Завтра встречаемся после школы?». А я ответил: «Не знаю».

В классе стало известно про наши отношения. Меня не травили, но я постоянно слышал эти обсуждения, и они выводили меня из равновесия. Девочки отводили от меня взгляд и хихикали.

Дима делал вид, что ничего не замечает. Мы с ним это дело не обсуждали и как обычно забывались в разговорах об истории.

Как-то раз на перемене мы с Димой обсуждали средневековье. Тут ко мне подошла моя подруга.

– Поговорим? – спросила она.

Мы дошли до окна, которым заканчивался коридор.

Она заметно нервничала. Это передалось и мне.

– Обними меня, – попросила она.

Я одеревенел. Мне показалось, что за нами следят. Я оглянулся. Вокруг было даже слишком пусто. Моя подруга была частью этой пустоты. Она спрашивала у меня что-то, а я не мог связать и двух слов, потому что со мной разговаривал какой-то совсем чужой человек. Фантазия и реальность сошлись не самым лучшим образом, и в тот момент, когда она попросила меня обнять ее, я думал о выдуманной девушке и никак не отреагировал.

Потом она ушла в класс.

С тех пор мы не разговаривали. Через год она перешла в другую школу.

Я некоторое время расстраивался. Кто знает, может я упустил что-то крайне важное.

Но случился один эпизод, который все изменил.

Как-то раз я без очевидной на то причины вышел из дома и увидел зеленые деревья, синее небо, дома, людей, машины. В совокупности все произвело на меня отрезвляющий эффект. Я осознал, как много в мире всего. И просто невозможно потерять все сразу.

4

Мы гуляли с соседкой по нашему району.

Вокруг нас строились дома. Они были похожи на скелеты. Соседка же сравнила их с конструкторами. И добавила, что у меня странные ассоциации.

Дома постепенно заполняли собой поле. Один за другим они отвоевывали место, где в скором времени начнется новая жизнь. Поле пятилось назад к междугородней трассе.

Мы задирали головы вверх, и нам казалось, что мы очень маленькие по сравнению с новостройками.

Шумела техника. Между собой разговаривали строители. Мы подошли к ним, и я спросил, есть ли у них на родине такие большие дома. Один ответил, что родился в маленькой юрте. Вокруг там на многие километры лежит степь. Другой ответил: «Да». Я поинтересовался, чувствуют ли они себя строителями нового мира. Один посмеялся. Другой ответил, что зарабатывает деньги для семьи. Остальное не имеет для него значения.

Потом мы с соседкой увидели бабушку. Она шла и упиралась на клюшку. Рядом с ней играли дети. Силуэтами железных конструкций упирались в небо новостройки. Что-то убывало, а что-то прибывало.

Когда мы дошли до поля, то улеглись на траву. Я спросил, что для нее имеет значение в жизни. Она перечислила:

- музыка
- кино
- литература
- Европа и Америка
- тишина
- интернет
- свобода
- каникулы
- рисование карандашами
- долгий сон.

Я попросил пояснить пункты. И она ответила:

Музыка – потому что придает нужное настроение.

Кино – потому что украшает жизнь.

Литература – потому что образовывает.

Европа и Америка – потому что без них не было бы в списке предыдущих трех пунктов.

Тишина – потому что наводит на нужные мысли.

Интернет – потому что оттуда можно почерпнуть всю нужную информацию.

Свобода – потому что без нее невозможно.

Каникулы – потому что это одно из проявлений свободы в нашем несвободном обществе.

Рисование карандашами – потому что придает фантазии форму.

Долгий сон – потому что восполняет запасы энергии, нужной для творчества.

Она попросила меня сделать то же самое. Я не заставил себя ждать.

– музыка

– литература

– история

– семья

– своя комната

– друзья

– архитектура

– путешествия.

Я пояснил пункты:

Музыка – потому что придает значение времени.

Литература – потому что совершенствует владение языком и письмом.

История – потому что объясняет, почему так было и почему так есть.

Семья – потому что дала жизнь.

Своя комната – потому что хорошо иногда побыть одному.

Друзья – потому что без них одиноко.

Архитектура – потому что придает значение пространству.

Путешествия – потому что меняют тебя.

Соседка предложила внести в наши списки несколько странных пунктов. Она считает, что в каждом таком списке обязательно должна быть пара нестандартных пунктов. Ина-

че получается «скукота». Она ведь читала много таких списков в различных книгах. Я согласился и начал:

Вступление марша «Прощание славянки» – потому что провожает поезд в путешествие.

Когда свет играет на поверхности воды – потому что это момент единения материального и нематериального миров.

Когда все светофоры горят зеленым – потому что так легче достигнуть нужного места.

Она продолжила:

Когда пьешь воду, и капля стекает по шее на грудь – потому что приятно.

Когда произнесенную тобой фразу тут же дублируют по телевизору.

Когда от долгого телефонного разговора потеет ухо.

Когда зимой через снег видно зеленую траву.

Прядь волос в пластиковом пакетике, которую у нее десять лет назад срезала мама.

– У тебя меньше пунктов. Ты ленишься, – сказала соседка.

Я тогда добавил:

– Когда ты улыбаешься, и у тебя на щеке образуются ямочки.

Она покраснела. Я подумал, что сморозил глупость. Всегда очень сложно говорить то, что на самом деле думаешь.

– Ты что-то вообразил себе насчет меня. На этом и зациклился, – с улыбкой сказала она.

И я видел, как в ее волосах играл ветер, а от глаз исходило

особое сияние, и не придавал значения той фразе.

Лежа в поле, мы делали пальцами прямоугольники и помещали в них, словно в рамку, местные пейзажи. Мы представляли, что снимаем кино про наше время. Я предлагал длинные планы в стиле Кубрика. Соседка хотела резко сменить кадры, как это любит Годар. Я бы начал со съемок лица девушки. У нее в зубах сигарета. Она курит и смотрит в одну точку. Камера постепенно движется от нее к зрителю. Мы видим набережную реки. Длинные панельные дома. Стаи птиц над ними. И тут камера уже движется по воде... Соседка остановила меня. Сказала, что я зануда.

Она предлагает начать с общего плана пустой комнаты. В кадре резко один за другим появляются подростки. Кто с длинными волосами, кто с короткими, кто в джинсах, кто в костюме. С пирсингом, с сигаретами, с портфелями, с воздушными шарами. Когда вся толпа в сборе, то на экране поочередно возникают большие буквы: М, О, Л, О, Д, Ы, Е.

Я бы хотел стать персонажем кино или книги.

Каждый временной отрезок должен быть запечатлен. Потом будет, что вспомнить.

В следующий раз мы обошли наш район вдоль и поперек и насчитали двенадцать девятиэтажек, четыре шестнадцатиэтажки, пять двенадцатиэтажек и несколько десятков частных домов. Мы попытались найти в этих числах магию, но в итоге только рассмеялись над собственной нелепостью.

Мы видели магазины продуктов, товаров для дома. Видели детский садик и недостроенную школу. Чтобы разбавить сухую статистику, мы следили за прохожими. В основном это были молодые люди от двенадцати до тридцати лет и дети всех возрастов. Встречались молодые мамы с колясками. Нередко их дети кричали. Тогда мамы качали коляску или давали своим детям соску.

Также мы видели двух стариков, которые играли в шахматы. У одного на голове был берет. Сейчас мало кто носит береты. Соседка считает берет модным элементом одежды, только, увы, навсегда оставшимся в прошлом.

Группа подростков играла в футбол на крытой площадке. Они кричали и постоянно просили паса.

Две девочки по очереди катались на качелях. Сначала одна раскачивала другую, потом наоборот.

Водители ремонтировали двигатель маршрутного такси. Они матерились и смеялись над шутками друг друга.

Мы с соседкой обратились к молодой паре – считают ли

они наш район перспективным и если да, то почему. Парень ответил: «Да». Он рад тому, что город растет. Девушка ответила, что ей везде хорошо со своим возлюбленным.

Затем я обратился к бабушке, которая сидела на лавочке.

– Зажила, как бояре раньше не жили! Родилась-то я в деревне. Школу кончала в селе соседнем. Пешком ходили семь километров. Потом уже в городе в техникум поступила. А на фабрику пошла – мужа будущего встретила. Женились, квартиру маленькую дали. Новое место мне дети выхлопотали. Куда бы мне без них! – сказала она.

Нам пришлось быстренько распрощаться, когда бабушка начала расспрашивать про школу и планы на будущее.

Мальчишка на игровой площадке сказал:

– Площадка хорошая. Красивая. У нас раньше все положено было во дворе. Теперь у меня и комната своя есть. За компьютером можно сидеть хоть до ночи!

Полученные сведения показались нам несколько идеализированными. Однако все так и обстояло.

Нас несколько смутил бездомный, который шатался от одного подъезда к другому, будто в поисках своего жилища. Он выглядел потрепанным и словно бы не принадлежал миру, в который случайно забрел. На него подозрительно косились молодые мамыши. Водитель такси подошел к бродяге и что-то громко сказал. После этого бездомный развернулся и ушел в другом направлении. Я было загляделся на него, уж очень он показался мне необычным, но соседка сказала, что

нам не стоит задерживаться.

У частного сектора я заметил знакомого соседа и поздоровался с ним. Он выгуливал собаку. Соседка погладила ее по голове. Собака довольно гавкнула и завиляла хвостом. Сосед рассказал, что частные дома появились здесь раньше высоток. Я спросил, не стесняют ли его новостройки. Он сказал, что первое время не поддерживал это строительство. Но теперь уже привык.

– Все, что новое, то перспективно, – сказал он.

Сосед рассказал, что в советские времена почти ни у кого не было своих коттеджей в черте города. Теперь у людей есть шанс выбирать. Моя соседка кивнула. Она поддерживает право на выбор. Еще она верит в то, что все совершается благодаря личной инициативе человека. Постарался – разбогател. Постарался – стал счастливым. В итоге мы все вместе решили, что надо больше стараться.

Я погладил собаку по спине. Как все-таки славно жить со своим псом.

По дороге домой я хотел взять соседку за руку. Но та то волосы поправляла, то время проверяла. Я довольствовался тем, что воображал, как моя рука греется о ее руку.

Затем мы с соседкой нашли кое-какую информацию в интернете. Согласно ей, деньги на наш район выделены по федеральной программе. Город будет постепенно расти.

Мы устали ходить целый день. Вечером мы делились впечатлениями. Вот что нам больше всего запомнилось: раз-

ноцветные стены домов, пестрая игровая площадка, два гигантских подъемных крана, оранжевые каски строителей, похожие на рога оленя антенны на одной из высоток, как мама звала с балкона сына на обед, свежая посадка берез и ели, серая кошка в траве, вихляющийся собачий хвост, морщинки старика в углу глаз, шум шоссе, лежать в поле.

От избытка впечатлений я долго не мог уснуть. В каждом углу темной комнаты мне мерещилось присутствие соседки.

6

Гора вещей постепенно исчезала из моей комнаты.

Все встало на свои места: гардероб, диван, пуфик. На месте оказалась и наша домашняя библиотека.

Я разбирал книги вместе с мамой. Ей принадлежит большая часть отечественной классики и литература по психологии. Мои книги в основном современные и зарубежные. Но я люблю читать и отечественную классику. Она мне как-то ближе. Но зарубежная интереснее, потому что рассказывает о совсем другой жизни. Хотя я еще не получил высшего образования, чтобы утверждать что-то насчет литературы наверняка.

Мне иногда снятся сны, где я брожу по университету. Его здание сделано из металла и стекла. В нем много места и света. Я хожу по университету и гляжу по сторонам. Я даже точно не помню, есть ли еще кто-то в моих снах, кроме меня самого.

Мама и папа не давят на меня с выбором будущей профессии. Да я и сам пока точно не определился. Когда я сдам экзамены, то пошлю документы в разные вузы. Возможно и в иногородние.

Мы с мамой распределяли книги на две полки. Одна из них висит в моей комнате. На нее я поставил современные книги. Классика отправилась в комнату к родителям. Папа

дополнил коллекцию своей специализированной литературой. Я пробовал ее читать. Скучно.

Однажды я от нечего делать искал в книгах слово «грусть». В «Постороннем» Камю я нашел пять упоминаний о ней. В «Девяносто третьем году» Гюго я нашел три таких упоминания. Но больше всего грусти я нашел в романе Керуака «Бродяги Дхармы»: целых семнадцать упоминаний. Герои этой книги постоянно грустят или говорят что-то с грустью.

В «Слушай песню ветра» Мураками я нашел четыре упоминания грусти. В одном из отрывков книги пишется:

«Вы услышите грустные песни, ностальгические песни и веселые песни».

Мне сразу стало интересно, что это за песни. Я представил, как они могут звучать. Они могут быть похожи на музыку из далеких стран или на песни из старого радио, которое стоит в квартире моих бабушки и дедушки.

Они живут неподалеку от меня и всегда радуются, когда я прихожу к ним в гости. Я делаю это каждые выходные. Иногда бабушка готовит пироги. Тогда мы усаживаемся на кухне и едим их с чаем. Играет радио. В новых домах его уже не ставят.

По этому радио помимо музыки передают много рекламы. Рекламируют средства для повышения потенции, лекарства для сердца, чудо капсулы, которые сами находят болезненные очаги и ликвидируют их. Мои бабушка с дедушкой тер-

петь не могут эту рекламу. Они считают, что таким образом государство промывает пенсионерам мозги. Дед прибавляет громкость в основном на прогнозах погоды. Я делаю так, когда слышу по радио интересную музыку. Иногда это бывают совсем старые песни. При их воспроизведении слышно потрескивание винила.

Мне нравится сидеть рядом с радио и слушать хорошие песни. Приятно, что даже сейчас есть альтернатива интернету. Музыка из радио такая крошечная, что рядом с ней очень уютно. Под ее сопровождение я смотрю в окно и вижу ряды высоток, длинные сети проводов, причудливой формы антенны. Слышу, как воркуют голуби.

Многие из тех домов строил мой дед. Он работал на строительном комбинате сварщиком. К старости у него попортилось зрение. Но дед говорит, что все это не зря. И показывает рукой на окно.

Дед дает мне различные советы. Он рекомендует быть прозорливым, шустрым, инициативным и смелым. Дед утверждает, что с возрастом я становлюсь лучше.

Бабушка желает, чтобы у меня была хорошая жена. Но она никогда не заикливается на подобных обсуждениях.

Когда я искал в книгах слово «любовь», то нашел вот что: «Декамерон» – двести двадцать одно упоминание.

«Анна Каренина» – семьдесят три упоминания.

«Война миров» – ноль упоминаний.

«В окопах Сталинграда» – одно упоминание.

Впрочем, почти в каждой книге пишется про любовь. И при этом совсем не обязательно упоминать само слово.

Для интереса я поискал в тех же книгах слово «смерть»:

«Декамерон» – сорок семь упоминаний.

«Анна Каренина» – сорок упоминаний.

«Война миров» – двадцать четыре упоминания.

«В окопах Сталинграда» – шесть упоминаний.

В своем неоконченном романе я насчитал сорок семь слов «любовь» и три упоминания смерти.

Похоже, я все-таки романтик.

После уборки в комнате стало куда просторнее. Книги теперь стоят рядами на полке. Когда мне скучно, я беру с нее какой-нибудь томик.

Мама поддерживает мою любовь к чтению. Моя сестра тоже почитывает, хотя больше предпочитает сидеть в интернете. Когда я был маленький, интернета не было и в помине. Кто знает, что было бы в противном случае.

Я даю почитать родителям некоторые мои рассказы. Папе понравился один, где пишется об обороне города.

В детстве папа часто бывал в родном селе своих родителей. Фронтовики рассказывали ему про сражения Великой отечественной. Папа жалеет, что я не успел повидаться с прадедом. Тот бы сообщил мне много полезной для творчества информации.

Мама, напротив, смотрит на мое творчество с иронией. Она ведь заканчивала филологический факультет и знает

толк в литературе. Странно, но ей пришлось по вкусу мой детектив о поисках похищенной дочки банкира.

Мама утверждает, что нет ни одной книги без смерти, любви и страданий. И по ее словам все это есть в моем детективе. Она считает, что мне есть смысл заниматься литературой. Я спросил, посвятила бы она ей жизнь. Мама сомневается.

После уборки мы приготовили чай. По телевизору шло ток-шоу. Приглашенный герой докладывался о том, какой он успешный журналист.

Мама сказала, чтобы я никогда не бросал задуманного.

С переездом на новое место мне не пришлось менять школу. Я очень бы этого не хотел. Я не фанат школы, но сменить ее – это хуже всего. Тогда потеряешь всех друзей.

Я хожу в школу пешком. Каждое утро я проделываю один и тот же путь. Пересекаю район новостроек, минуя частные дома, затем перехожу через дорогу. Заворачиваю во двор. И вот я на месте.

При входе в мою школу вы увидите надпись на стене:

«ШКОЛА – НАШ ДОМ
И МЫ ХОЗЯЕВА В НЕМ»

Под ней обычно переобуваются младшеклассники.

Вот учительница громко зовет их. Младшеклассники собираются рядом с ней. Она похожа на гусыню, а ученики – ее выводок.

Мы с Димой никогда не понимали смысла той надписи. Школу мы точно за дом не считаем, ведь в ней не будешь заниматься всем, что в голову взбрeдет. И понятное дело, что мы в ней не хозяева. По большей части, мы ходим в школу, потому что так надо. Наши родители ходили в школу, наши друзья ходят в школу. Значит и от нас требуется то же самое. А пока мы с Димой верим, что дальше будет интереснее.

Так что можно и потерпеть.

В школе ученикам предлагают различные области знаний.

Потом учителя определяют, кто знает предмет лучше, а кто хуже. Первых постоянно спрашивают и ставят в журнал пятерки. Вторых тоже постоянно вызывают к доске, но им систематично лепят двойки. Все это – обязательные ритуалы, без которых школа бы просто-напросто не существовала.

У нас в классе есть пара отличниц. Я не могу понять, как им все может быть интересно: и химия, и физика, и история. Однажды я видел, как наша отличница плакала рядом с учителем. Отличница хотела получить за четверть «пять», а не «четыре».

В нашем классе есть неуспевающие ребята. Одного из них просто терпеть не может учитель по алгебре. Каждый урок она спрашивает его у доски. И каждый урок ставит ему два. Так длится уже очень долго. Его много раз обещали оставить на второй год. Но двоечник все еще учится с нами. Между ним и учителями установились какие-то особые отношения. Двоечник никогда ничего не учит. Учителя ставят ему двойки. Все действует как по договору.

Я состою в нормальных отношениях со всеми одноклассниками. Но дружу я с Димой и тремя Мишами.

Три Миши похожи между собой. Они любят компьютерные игры, военную тематику, юмористические сериалы по телевизору и американские блокбастеры. Они застенчивые и немного пугливые, но зато в них совсем нет злобы.

Если идти в описании дальше, то между Мишами обнаружатся различия.

Первый Миша фанат гонок Формула-1, второй увлекается Японией, а третий занимается исторической реконструкцией. У него дома есть своя небольшая мастерская. Он сам сделал шлем и выковал меч. Сейчас он работает над доспехами.

Как-то раз мы отправились за материалом для доспехов на свалку. Она находится на краю района, за старым заводом. Раньше на нем делали какие-то лампы. Родители постоянно пугают нас радиацией и просят не ходить туда. Ведь люди боятся того, чего не видят.

Сейчас завод разгромлен. Старшие винят в этом современную власть. Скоро на месте завода хотят построить большой торговый центр. Пусть хотя бы так. Но от этого может исчезнуть свалка.

Бетонная стена завода в одном месте треснула. Через нее можно пробраться на площади комплекса. На дикой территории Миши как-то сразу преображаются. Они снуют туда-сюда, карабкаются на горы металла, смеются, и, кажется, не замечают ничего вокруг.

По размерам завод довольно большой. Стекла в здании кое-где выбиты. Вывеска «Слава труду!» почти потеряла цвет. Трубы завода устремляются высоко в небо. А повсюду вокруг – пусто. Кажется, что время здесь замерло.

Однажды я нашел на земле изорванную тетрадку. На последней странице я обнаружил переписку:

...

– А завтра будет лучше?

– Будет.

– Как хорошо, что... (далее текст неразборчивый).

По рассказам стариков, в прежние времена на заводе трудилось много людей. Они любили, ругались, шутили, ели вместе в столовой, возвращались вечером домой, получали зарплату. А сейчас все это заменилось одним пустым зданием. Что внутри него – для меня тайна. Мы так и не нашли никакого способа залезть внутрь. Мы много гадали, что же там может быть. Первый Миша сказал, что там, скорее всего, стоят особые станки. Таких в мире было всего несколько десятков. Дима утверждает, что внутри лежит огромная куча металла. Он вроде бы слышал, что в девяностые оттуда вынесли все добро. А взамен туда свалил всякий хлам.

Мусорка находится за заводом – это груды железа, старые машины и прочий хлам. Раньше там находился песчаный карьер, из которого брали материал для строительства города. Его воронка уходит в землю на многие метры. В диаметре она сравнима с незастроенным полем в моем новом районе. В воронку бы поместилось несколько домов.

Мы спускаемся на дно карьера. Миша ищет глазами подходящий кусок железа. Дима тем временем остановился и смотрит куда-то вдаль. В такие моменты не угадаешь, о чем он думает. Два других Миши затеяли между собой перегонки: кто быстрее до развалившегося грузовика. Внутри кузова накиданы старые покрышки. Миша – поклонник гонок – копается в них. Потом он показывает нам маленькую фигур-

ку рыцаря, сделанную из олова. Дима говорит, что в таких доспехах, как у фигурки, сражались на турнирах.

Тут наш любитель средневековья кричит:

– Нашел!

И несет нам лист железа. Мы ему помогаем. Видно, что Миша доволен. Скоро он сделает себе доспехи и сможет участвовать в соревнованиях. Лист железа местами покрыт ржавчиной, поэтому Дима сомневается в прочности материала. Миши на него ворчат. Дима отвечает, что старается смотреть на вещи объективно. Тогда ему говорят, что он сейчас объективно зануда.

Мы смеемся.

Ни с того ни с сего мы пускаемся в бег. Лист железа болтается у нас в руках. Повсюду свалены груды вещей из прошлого. Это отработанный материал. А мы еще о себе не заявили. Мы еще только готовимся. И пытаемся понять, что же происходит вокруг нас. И мы бежим. В такие моменты мне кажется, что горизонт очень близко. И меня почему-то к нему тянет. Как будто именно там я найду очень важный для меня ответ.

Миши уносят лист железа, а нам с Димой по пути домой.

По дороге Дима размышляет о том, зачем нам нужна школа. По его мнению человек сам способен получить необходимые ему знания из книг и интернета. Школа, как считает Дима, олицетворяет собой творческую несвободу. Наверное, поэтому он редко причесывается и носит помятый пиджак.

Дима не хочет вмешиваться в чужую жизнь без особого повода. Но в случае чего всегда готов помочь. Диме просто хочется, чтобы его жизнь текла спокойно. В то же время он жалуется на отсутствие жизненного разнообразия: вот он вернется домой и снова сядет за компьютер. И так продолжится до того момента, пока мы вновь не встретимся в школе. Тут Дима хватается себя за подбородок и становится похожим на сорокалетнего мужчину.

Я предлагаю сократить путь через старый квартал.

Мы идем среди хрущевок. От их растрескавшихся коробок пахнет подвалом.

На скамейках сидят бабушки. Вместо детской площадки – искореженные останки. Время там замерло на определенной отметке и успело застояться, пустить душок.

У ржавых гаражей стоит подозрительная компания.

Нас останавливают. Дима тупит взгляд в землю. Я чувствую опасность. Спрашивают сигареты. Мы отвечаем, что не курим. Я готов броситься в драку. Не хочу, чтобы из-за меня пострадал Дима. Старший из компании оглядывает нас с ног до головы. Делает жест, чтобы мы сейчас же ушли.

Мы ускоряем шаг. Дима делает выдох. Говорит, что историю творят случайности.

Боковая часть одного из старых зданий выложена в виде соцреалистического панно. На нем изображены улыбающиеся женщины, строители, подъемные краны, дети, голуби и радуга. Лицо нарисованного мальчика разрезала глубокая

трещина.

Вот уже виднеются белые дома с цветными вставками. Значит, дом совсем рядом. Я непроизвольно ускоряю шаг.

Дима сворачивает в другую сторону. На прощание он говорит, что ничего страшного нет в том, что стряслось. По его мнению, жизнь ровно пополам делится на плохое и хорошее.

И он идет в магазин, чтобы купить что-нибудь солененькое для мамы.

Моей соседке не нравится, когда я называю ее по имени. Она просит не произносить его.

– Почему? – как-то раз спросил я. – Оно звучит красиво.
– Это иллюзия, – ответила соседка.

Ее родители долго спорили, как назвать дочь. В итоге победил папа. Когда-то он прочитал в одной старой книге о девушке, которую зовут в точности, как мою соседку. Тот персонаж притягивал к себе людей и делал их счастливыми. Соседка говорит, что не оправдывает надежды отца. У нее случаются конфликты с семьей. Отец вроде как требует от нее серьезного подхода к жизни. А мама подозревает дочь в пессимизме. Но я ни разу не замечал, чтобы соседка ругалась с мамой.

Соседка иногда называет меня по имени. Мне это очень приятно. Сразу чувствуешь себя нужным. Не зря же людям придумали имена. Каждое из них что-нибудь да значит. Не будь имен, все люди бы смешались в одну кучу. Не знали бы, кого хвалить и кого ругать. Без имен никто бы друга друга не запоминал. Мы бы не смогли разделять в голове воспоминания, связанные с определенными людьми. Мы бы путались в актерах, музыкантах и президентах.

– Откуда вообще взялись имена? – спрашивает меня соседка.

Вполне возможно, что древние люди называли друг друга на слух. Если человек нравился, то его называли приятными сочетаниями звуков. Если нет, то наоборот. Так имена закреплялись за людьми определенного характера.

Соседка попросила описать ее характер. Я составил список: доброжелательная, с хорошим чувством юмора, прямолинейная, ироничная, легкая на подъем, инициативная, вкрадчивая, несколько утонченная.

Она сказала, что это все как будто не про нее и попросила объяснить последний пункт.

Я указал на то, как она держит карандаш: слегка откинула кисть назад и зажала карандаш между указательным и средним пальцами.

Потом я добавил: «Повернутая на вещах».

Она спросила, это еще к чему.

И я окинул рукой ее комнату.

У нее в комнате действительно полно вещей. От этого она похожа на музей.

Среди его экспонатов есть пара калейдоскопов, статуэтка гейши, набор кистей, две коробки цветных карандашей, картон и цветная бумага, книги зарубежных (По, Бодлер, Лавкрафт) и отечественных (Ахматова, Цветаева, Лермонтов) писателей, деревянные фигурки зверей (лося, совы, лисы, вороны, оленя), магический шар, дающий ответы, стопки журналов, гитара без первой струны, несколько клубков шерсти, перо какой-то птицы, диски с музыкой, материал

для создания искусственного снега, обломок виниловой пластинки, набор старых открыток с женскими портретами, пластилин, два молочных зуба в коробочке, фарфоровый слоник, плюшевый медведь, пуговицы разных цветов и размеров, футболки с названиями групп, маленькая искусственная елка, цветы в горшочках, альбомы фотографий, несколько крупных минералов, окаменелый позвонок плезиозавра, ветровая вертушка, проектор звездного неба.

Моя соседка говорит, что для нее каждая вещь ценна по-своему. Без них ее жизнь была бы пустой. Она коллекционирует все подряд, потому что многим заинтересована.

Самовыражаться ей помогают краски и кисть. На ее акварелях изображены неясные силуэты призраков, абстрактные линии и пятна. Однако я заметил на рисунках и вполне конкретные символы: крылья, свечи и нимбы.

– Это твое видение, – прокомментировала соседка. – А как ты самовыражаешься?

Мне под руку подвернулась коробочка пластилина, и я слепил ей рыбку. Она состоит из множества цветных кусочков. Совсем как наши новые дома. Вместо глаз у рыбы разноцветные камни.

Моя соседка попросила оставить себе эту рыбку на память. Теперь рыбка тоже стала частью ее коллекции. Я спросил, могу ли я пойти в ее коллекцию. Она затруднилась с ответом, потому что я человек, а не вещь.

Взамен она предложила нарисовать мой портрет.

Я сказал, что доверяю ей. Она уточнила, отношу ли я это к ее чертам характера.

– Ты вызываешь у меня чувство доверия, – сказал я.

На портрете я вышел непохожим на себя. Нос какой-то длинный. И глаза маленькие.

– Это мое видение тебя, – сказала соседка.

Я сказал, что доверяю ее глазам и предложил слепить то, что чувствую.

Мне понадобилось несколько кусочков пластилина, чтобы сделать человечка. В ответ на вопрос соседки я пояснил, что слепил самого себя. Она не согласилась.

– Но ведь ты знаешь, что это я слепил.

Тут она уже не могла поспорить.

Остаток дня мы провели на улице.

Мы видели, как идет работа на стройке. Я видел в передачах по телевизору, как в ускоренной съемке строится дом. Меня не покидало ощущение, что в жизни все идет почти так же быстро.

Мы видели вещи и их первоисточники.

Люди действовали сообща друг с другом. Прежде кто-то нарисовал проект района на бумаге. Потом подключились строители. И вот словно из ничего появляются все новые и новые строения.

Я волей-неволей думаю над тем, откуда берутся все те вещи, которые меня окружают. Кто сшил мою одежду, кто склеил кроссовки, кто выплавил железо для подъемных кра-

нов, кто собрал их, кто свил стальные тросы, кто выплавил стекло для окон, кто проложил асфальт, кто отштукатурил стены, кто сделал бетонные плиты, кто изготовил трубы, и кто потом проложил их под землей.

Что думали те творцы? Какое у них было настроение? – все это, несомненно, передалось вещам.

А теперь они заполнили собой пустоту первозданного мира.

Вещи появляются и исчезают. А я даже не знаю, откуда и куда.

Но несомненным для меня остается одно: вместе человечество способно на многое. Один придумывает, другой воплощает, третий помогает.

Соседка не поддерживает идею коллективного труда. Она хочет просто получать готовое, а не забивать голову лишними заботами о производстве. Ей хочется просто любоваться красивыми вещами, а уродливые обходить стороной. И она фотографирует цветок. Говорит, что на него как-то по-особенному упал свет. Потом она поправляет волосы. На ее пальцах остался грифель от карандаша. Рядом с ней цветок теряет всякое значение, ведь мне он совершенно безразличен.

Вскоре мы упираемся в недостроенное здание.

Соседка предлагает пробраться на стройку. Поблизости никого нет.

Мы пролезаем под бетонным забором. Заходим в здание.

Его части держаться между собой каким-то чудесным образом: по отдельности они кажутся бесполезными и хрупкими.

Мы поднимаемся все выше, пока не достигаем последнего этажа. Оттуда виден стадион строящейся школы. Он как огромный ноль. Видно группу детей на площадке. Они совсем как маленькие точки. По дороге ездят игрушечные машины. Стоит забраться повыше и взгляд на вещи меняется. Наверное, и время здесь идет по-особенному.

Я смотрю на соседку. Ветер путает ее волосы. Я не знаю, что говорить, когда между нами устанавливается молчание. Я хочу просто смотреть на нее.

Она спрашивает:

– Ты мне доверяешь?

– Да.

Она просит встать на край. Мне страшно. Но я это делаю.

Она говорит, чтобы я падал. Поначалу я подумал, что она шутит. Но она, не моргая, смотрит на меня.

Она совсем рядом со мной. Так близко, что мысль о нашей разлуке просто невозможна.

Она повторяет просьбу. Или указ. И берется одной рукой за кусок металлической балки.

Я чуть отклоняюсь назад и ощущаю, как меня засасывает пустота. Моя спина холодеет. Я сам себе не принадлежу. Я тяну руки вперед.

И тут я чувствую в своих ладонях ее ладонь – такую теплую и живую.

Между нами устанавливается какая-то связь. Но моя соседка быстро отнимает свою ладонь и отбегает в сторону. Заламывая пальцы, говорит, что я сейчас чуть не погиб.

И я рассказываю про все случаи, когда чуть не погиб. Как я выбежал на дорогу и меня чуть не переехал грузовик.

Как я упал в воду с лодки и продержался под водой полминуты.

Как я сунул в розетку скрученную проволоку и вовремя отдернул руку.

Как я поскользнулся и упал на землю лицом в сантиметре от острой железки.

Она просит меня перестать.

Я еще раз говорю, что доверяю ей и провожу ладонью по ее предплечью. По нему пробегает дрожь.

Мы спускаемся вниз, безмолвствуя. Еще пару минут назад я чуть не погиб. Но это только делает меня еще более живым. Соседка идет рядом со мной. И в то же время она где-то в другом месте.

Рядом с частными домами мы встречаем ее одноклассниц.

Одна из них интересуется насчет меня. Я отвечаю, что учусь в соседней школе за пустырем. Соседка представляет меня: «Мой новый сосед». В ходе разговора оказывается, что одна из ее подруг знает Мишу. Того, который делает доспехи. Она живет рядом с ним и иногда слышит, как Миша стучит молотком по железу. Подруги постоянно называют мою соседку по имени.

С их слов я узнаю о готовящейся вечеринке. Она состоит-ся в их школе.

Они предлагают моей соседке пойти с ними, но та заметно сомневается.

Мы долго прощаемся. Когда я уже думаю, что мы уходим, то одна из подруг вспоминает какую-то историю. Я закрываю глаза. Моя соседка это заметила. Она говорит, что нам вообще-то пора. Ее подруги сразу примолкают. При прощании со мной они как-то подозрительно улыбаются. Напоследок они оглядывают нас с ног до головы.

Уже по пути домой я спрашиваю, всегда ли ее подруги такие болтливые. Соседка отвечает: «Да». Но только поэтому она общается с ними. Им можно говорить все, что угодно. А они все равно будут слушать и не станут спорить.

На прощание она спрашивает меня, пошел бы я когда-нибудь на школьную вечеринку. Я говорю: «Нет». Но тут же предлагаю ей на днях куда-нибудь сходить вдвоем.

Она соглашается.

Миша регулярно посещает клуб реконструкций.

Иногда он приглашает нас посмотреть на бои.

Пока что Миша участвует только в боях с деревянным оружием. Он все еще носит кожаные доспехи. А вообще, из-за проблем с легкими его не сразу допустили к занятиям. Но Миша все надеется поскорее доделать доспехи и выступить в серьезном бою.

Сражаться ему есть с кем. В клубе хватает ребят в рыцарских латах. И все они так и норовят скрестить друг с другом мечи. Глава клуба утверждает, что огнестрельное оружие создано для слабаков.

– Настоящий рыцарь должен орудовать мускулами и металлом, – говорит он.

Когда Глава махает палицей, то сильно пыхтит. Миша следит за каждым его движением.

В этот раз с нами пришел и Дима. Он оторвался от компьютерных игр, чтобы посмотреть на бой воочию.

Сегодня Миша выступает против тучного парня. Вот они встают друг напротив друга. Глава клуба кричит Мише, чтобы тот не держал оружие так далеко от груди. Миша сразу же получает по голове. Потом он отражает удар и наносит ответный. У тучного парня подкашиваются ноги. Дима с высоты трибуны наблюдает за боем, обхватив пальцами подбородок.

Миша в итоге все же выигрывает. После боя он, весь красный, быстро снимает с себя кожаную защиту. В его набухших шейных венах чувствуется сила.

Клубные приятели хлопают Мишу по спине и треплют его за плечи. Хвалят. Глава спрашивается о самочувствии – в ответ Миша показывает большой палец.

Он сообщает нам, что вскоре у него будут готовы доспехи. И тогда он будет выглядеть более презентабельно. Не удержавшись, Миша подробно описывает свойства своей брони. Миши слушают его с разинутыми ртами, а Дима лишь ухмыляется. Говорит, что у него оловянные доспехи выйдут. Вроде как у того солдатака со стройки. Непрочные. Сломаются сразу.

Миша затевает спор. Доказывает Диме, что все выйдет, что он сильно старается. А Дима все ухмыляется.

– Время носить броню прошло, – говорит он.

Тогда Миша предлагает Диме поединок. Прямо сейчас. Но Дима отказывается. И Миша называет его «трусом».

Встречу с соседкой я провел в центре.

Центр города совсем другой, нежели привычная для меня окраина. В центре много старых зданий. Некоторые из них деревянные. Ветхость их фасадов – словно знак борьбы со временем. По главной улице стоят бывшие дворянские особняки. В них располагаются магазины. Разве могли подумать дворяне, что через века их жилища превратятся в торговые лавки. Раньше в тех домах каждые выходные устраивали званые ужины – теперь там круглый год скидки на одежду и обувь.

Я представляю, как бы удивился аристократ, попади он в современность.

В своем фраке и чулках он бы был белой вороной. Он бы потеряно смотрел по сторонам, пытаясь понять ситуацию. А над ним бы посмеивались парни с пивом в руках.

Аристократ пытается попасть к себе домой, но натывается на сотовый салон. Продавец-консультант предлагает ему купить новый мобильник.

Никаких дилижансов, никаких рандеву при свете полной луны, ни мазурки, ни польки. Тяжело было бы аристократу в наши времена.

В центре я сильнее ощущаю городскую жизнь. Мне интересно ловить в толпе взгляды людей. Вот идет один. Нахму-

рился. Наверняка ему сейчас похуже, чем мне. Навстречу идет красивая девушка, а ты ловишь ее взгляд и волей-неволей отворачиваешься, чтобы не застесняться, но запоминаешь ее улыбку.

Я стараюсь отвечать на добрые взгляды и избегаю злых.

В центре часто встречаются бомжи. Они стоят на одних и тех же местах и всегда одинаково выглядят. Они и не грустные, и не веселые. Порой они даже не двигаются.

Молодежь – та совершенно разная. Она представляется мне в виде огромной картины.

На ней изображена толпа ребята в спортивных костюмах. Они курят, плюются. Видны их скалящиеся улыбки. Их смех больше похоже на собачий лай. Ими руководит желание понукать: они не пройдут мимо необычного на вид подростка, без того, чтобы не сказать тому грубых слов. Гопники всегда чувствуют себя очень важными, поэтому корчат серьезные физиономии. Иногда их прямо-таки перекашивает от собственной крутизны. Впрочем, в большом количестве они становятся однородной массой: одинаковая одежда, стрижки, выражения лиц, речь. Их жизнь течет в опасном ключе. Они рискуют, чтобы поддерживать статус «опасных». Для них нет других авторитетов, кроме более отпетых ребят.

Кроме тех, на картине изображены ребята с длинными волосами, в узких джинсах, в кедах, кепках и кофтах с капюшонами. Они собрались компанией, чтобы оторваться на концерте. Часть из них на велосипедах или скейтах. Их жизнь

динамична. Они всегда в движении: то на квартире у друзей, то на вечеринке. Нередко у них случаются конфликты с гопниками. Но иногда они так же, как и их враги, пьют, курят, дерутся и дебоширят.

Неброскими силуэтами на картине изображены школьники, чьи взгляды нельзя описать эпитетами – такие люди находятся полностью в себе. Они неброско одеты и выглядят задумчиво даже в компании друзей. Им точно есть, что сказать об этом мире, но они не хотят выделяться и не занимаются показухой. Все происходит внутри них.

Мои бабушка и дедушка все время говорят, что раньше молодежь была сплоченная и порядочная. Но жестокость, соперничество и молодежный разгул существовали всегда. На то и молодые, чтобы совершать ошибки. На то и молодые, что не знают, куда деть энергию.

Конфликт между поколениями рождается из-за разницы во времени. Молодые бегут вперед, старые остаются позади. Мои дед и бабушка, пока их отцы воевали на далеком фронте, держались за оставшихся в деревнях женщин и стариков. А сейчас все как-то сами по себе. Мы сражаемся с самими собой. У нас появился выбор. Оттого порой нам так сложно понять, куда же себя направить. Фантазия – наше верное прибежище. словно подпол, куда прятались наши бабушки и дедушки от бомб врага.

Мы порождение нашей эпохи. И мы еще построим свою собственную.

Когда я встретил мою соседку, мы отправились в музей искусств.

Я поделился с ней мыслями о наших современниках. Она сказала, что ориентирована на саморазвитие. Другими словами, хочет сделать себя как можно лучше: умнее, богаче. Я спросил, а что насчет остального. И она ответила, что не в ее силах изменить что-то в глобальном плане.

– У каждого в жизни свое дело.

У входа в музей нас встретила пожилая контролерша. Она удивилась, когда мы сказали, что пришли целенаправленно.

Мы начали осмотр с первого этажа. На нем располагались образцы древнего искусства. Имитации наскальной живописи сменялись обломками античных ваз и колонами древнегреческих храмов. Моя соседка подолгу разглядывала каждый экспонат. Даю слово, внутри себя она хотела иметь всю экспозицию музея у себя дома.

Этажом выше мы бродили среди средневековых картин, полотен и муляжей аристократической одежды. В углу зала читала журнал экскурсоводша. Она объяснила, что перед нами находятся образцы средневекового подвенечного одеяния. По щекам соседки пробежал румянец. Она поджала губы и отошла к стеллажу с монетами и драгоценностями. Каждую вещичку она называла «прекрасной». Это прекрасно, то прекрасно. Все прекрасно.

В свете электрических ламп блистали и переливались реликвии старины.

Огромные доспехи рыцаря привлекли мое внимание. Миша бы час перед ними простоял: блестящие, с узорами и пером на шлеме.

Эпоха ренессанса запомнилась мне не так отчетливо. Я все смотрел на свою соседку и не мог отвлечься ни на что другое. А вокруг было очень много вещей. Между собой общались посетители музея. Среди прочих были молодые парочки: восхищающиеся всем подряд девушки, и восхищающиеся ими парни.

Моя соседка разглядывала натюрморты от которых во рту накапливается слюна, пасторальные пейзажи и портреты гордых незнакомок. А у меня по коже мурашки бежали при виде скульптур. Там были идеально сложенные статуи греков, изящные нимфы, стройные колонны – сам идеал формы. Скульптуры можно было обойти со всех сторон и хорошенько разглядеть каждую их частичку. Совсем как при прогулке по нашему району. И мне даже показалось, что некоторые статуи похожи на моих друзей или родителей. Каждый изгиб скульптуры был завершен и казался идеально отточенным. Однако, подойдя ближе, я заметил многочисленные трещины, которыми были покрыты древние скульптуры.

Этаж эпохи Просвещения в основном состоял из образцов старинных книг. Огромных, неподъемных. Подумать только, ведь некоторые авторы писали их годами.

Я рассказал соседке про свое увлечение литературой. Она, кажется, удивилась. Спросила, про что я пишу. Попро-

сила поделиться с ней творчеством. На ее вопрос, считаю ли я литературу делом всей моей жизни, я ответил отрицательно. Я могу писать только о выдуманных вещах, а мне все же хочется писать о реальности. Еще я не могу заставить себя писать постоянно и помногу, как философы Просвещения или Стивен Кинг.

Я сказал, что мне проще ставить себе цели, чем иметь в голове неисполнимую мечту. Я хочу иметь более значимую цель в жизни. Она спросила, а что же может быть для меня более значимо, чем литература. И я ответил, что если есть здание больше музея, то и для меня есть цель важнее литературы. Ведь все можно сравнить и сопоставить.

К тому же писать не так уж и сложно. Соседка сначала не согласилась. Я спросил ее, много ли она думает. Она ответила: «Да». Тогда я сказал, что для нее не составит труда что-нибудь написать. Нужно просто превратить мысли в слова на бумаге. Но оказалось, что соседке проще приобретать соответствующие ее мыслям вещи.

– Иногда бывает, смотрю на вещь и понимаю: вот это то, что нужно. Это такое чувство, будто бы мысль моментально материализовалась, – сказала она.

В зале современного искусства мы долго пытались понять, на что же смотрим: на шутки, или на что-то серьезное. Я подошел к какой-то огромной раме. Она стояла наполовину утопленная в полу. Я прошел через нее. Ничего не изменилось. Некоторые скульптуры напоминали мне мои плохие

мысли. Перекрученные или сломанные пополам фигуры высились и тут, и там.

Потом мы разглядывали картину под названием «Пустота». На ней ничего не было. Просто белый лист. Картина «Бесконечность» еще как-то выделялась на общем фоне благодаря обилию красок. Кажется, на нее ушло не меньше ведра. Я начал рассуждать о бесконечности вселенной. Соседка сказала, что я завираюсь.

После музея мы прошли по улицам центра. Уже темно. Горели огни витрин и уличные фонари. В их свете соседка казалась мне волшебным существом.

Неподалеку от нас переливались волны темной реки. Мы глядели на воду и мечтали, что по ней можно приплыть на фантастические острова, где в жизни не случается ничего грустного.

Иногда я провожу время со своей сестрой.

Я уже сейчас понимаю, что она принадлежит к совсем другому поколению. Не к моему.

Она рано начала пользоваться интернетом и с малых лет мечтает об айфоне. Несмотря на то, что во времена моей младшей школы мы вместо высоких технологий погружали себя в мечтания, я не виню свою сестру. Она просто родилась в свое время.

Родителям нравится, что у нас в семье два ребенка. Я поддерживаю их. Одному было бы скучновато. Да и родители бы быстро состарились.

Мы с сестрой часто играем в шашки. Она постоянно выигрывает. Я просто не могу продумать все ее ходы. Часто она начинает рассказывать школьные истории прямо за игрой. Я отвлекаюсь. И она тут же выигрывает.

Сестра умеет добиваться своего. Она может ставить цели и выполнять их. К примеру, в конце четверти ей надо было подтянуть математику. Она справилась и получила положительную оценку.

Время от времени мы катаемся на велосипедах. Я хорошенько разгоняюсь и заставляю сестру догонять себя. А она хнычет, но не перестает крутить педали. У нее красный велосипед. А у меня синий. Красный один из ее любимых цве-

тов. Но я не очень уж люблю синий. Однако мне нравится, когда такого цвета небо. Особенно хорошо при такой погоде смотрится наш район. Свет играет в окнах домов. А мы с сестрой мчимся на велосипедах.

Велосипед дает нужное ощущение скорости. На такой скорости я бы хотел передвигаться и дальше по жизни. И не быстро, и не медленно. Как раз хватает времени, чтобы все вокруг разглядеть.

Моей сестре нравится выбираться в центр. Когда мы бродим по старым улицам, она все время спрашивает:

– А это что? А это?

И я рассказываю ей о прошлых веках, и глаза сестры наполняются удивлением.

Моей сестре нравится есть в фастфудах. Мама не поддерживает такой выбор. Она считает, что есть надо дома, в семейном кругу.

– Но там все так вкусно! – говорит сестра.

– И вредно! – отвечает мама.

– Ну иногда-то можно! – добавляет папа.

Хотя папа и не против иногда перекусить гамбургером, но он точно отдает предпочтение маминым щам.

Порой я вожу сестру в Макдональдс. Так ее можно раздобрить. Или похвалить. Или просто порадовать.

Моей сестре для счастья требуется не так уж много. Она говорит, что ей вполне достаточно мороженого или порции картошки фри.

В Макдональдсе я покупаю ей гамбургер, маленькую колу, картошку фри. Мы садимся у окна и едим. Сестра смотрит вокруг и комментирует людей. Вот у той интересная сумочка. Тот парень «какой-то ужасный». А эта женщина слишком толстая. И зачем тому мужчине такая борода?

Для моей сестры все «такое» или «какое-то». Я прошу ее объяснить. Она отвечает:

– Ну, такое!

Когда у нас кончаются темы для разговоров, я устраиваю сестре опрос.

– Тебе нравится школа?

– Ну, так...

– Тебе нравится наша новая квартира?

– Да.

– Какое твое любимое животное?

– Тигр.

– Кто тебя больше всего раздражает в классе?

– Коля. У него торчат уши.

– Как ты считаешь, будут ли в России все жить счастливо?

– Ну, наверное, только через много лет.

– Какая самая длинная река в России?

– Волга.

– Столица Франции?

– Па... Париж.

– Восемью семь?

– Пятьдесят шесть.

– Какое имя и отчество у поэта Пушкина?

– Александр Сергеевич.

– Столица США?

– Это... А, Нью-Йорк.

– Синий или зеленый?

– Зеленый.

– Лето или зима?

– И то, и то.

– Куда бы ты сейчас хотела попасть?

– На море.

– Что ты ценишь в людях?

– Доброту, ну, честность, чтобы помогали в беде. Еще ве-
селость.

– Что ты не любишь в людях?

– Когда они обзываются, дерутся, хвастаются.

– Есть ли жизнь на других планетах?

– Наверное.

– Кем ты хочешь стать в будущем?

– Ну, я бы хотела стать знаменитой.

– Какая вещь сделала бы тебя счастливой?

– Айпэд. Или айфон. А, еще чипсы!

После Макдональдса мы прогуливаемся по торговому центру. Моя сестра не пропускает ни одной витрины женского магазина. Она замирает и смотрит на бусы, кольца, подвески, сережки, заколки, ободки, браслеты, джинсы, футболки, юбки, шортики, кофты, водолазки, жакеты, туфли, крос-

совки, кеды, кепки, шляпы.

Продавщицы в женских магазинах разглядывают меня. А я только и думаю о том, как бы поскорее вытащить оттуда сестру. Я ведь не могу позволить себе все это купить.

Моя сестра успешно учится в школе. Она показывает хорошие результаты на олимпиадах. Это позволяет ей время от времени требовать у родителей награды за ее старания.

Это вполне справедливый обмен.

12

Пока я сидел в гостях у бабушки и дедушки, то услышал одну радиопередачу. В ней журналист интересовался у стариков, доверяют ли они будущее современной молодежи. Ответы были разные. Из них можно понять, что люди старшего поколения не понимают молодежь. А как им ее понимать, если они уже не молоды?

Когда-то они тоже совершали кучи ошибок, метались из угла в угол и не знали, чего им нужно от жизни. Теперь они седые, с глубоким взглядом из-под густых бровей. И с кучей свободного времени.

В свободное время они вспоминают молодость, ругают политиков, обсуждают нынешние времена или смотрят телевизор.

Так проводят свободное время мои бабушка и дедушка. Я расспрашиваю их о прошлом, чтобы лучше понять настоящее.

Они прошли через голодное детство. Жили без отцов, собирали тайком гнилую картошку в поле, чтобы прокормиться. Приходилось платить налоги со всего подряд: со скотины, с деревьев и с огорода. Вместо игрушек у них были козлята, которых нужно было пасти и гуси, за чьим выводком они следили, словно за своими детьми.

Мои бабушка и дедушка родом из одной деревни. Мой дед

был лесничим. Он знал местный лес как свои пять пальцев. Знал, как называется каждое растение и каждое животное.

Когда дед встретил бабушку, он понял, что она именно та, которая ему нужна. Дед показывал ей лес. В лесу было озеро, которое они любили посещать. Они лежали на берегу и смотрели, как свет играет на воде. Они мечтали о светлом будущем, которое проведут вместе.

Потом они решили переехать в город. Они бросили все, что у них было, чтобы начать жизнь заново.

Дед вспоминает, каким большим ему поначалу казался город.

Он гадал над тем, какая сила строила дома и прокладывала дороги в диких полях. Потом он сам стал этой силой.

– Сначала надо от чего-то отказаться, чтобы получить что-то взамен, – говорит бабушка.

Бабушка и дедушка в один голос утверждают, что сейчас молодые люди боятся жертвовать собой. Им кажется, что современные условия жизни делают молодежь несамостоятельной.

– Платье мне мать перешивала из своей юбки, – рассказывает бабушка. – Бережливые мы были, потому что мало имели.

Дед добавляет: «Современная молодежь потеряла ориентиры». Она не отличает добро от зла. Не знает, чего добивается. Прожигает жизнь. Лучшие годы, которые, как он говорит «можно провести в созидании». Между размышления-

ми он часто вставляет фразу «история!» и поднимает кверху указательный палец.

Дед хочет, чтобы я получил высшее образование и стал состоятельным человеком. Только тогда он разрешит мне завести семью.

Бабушка спрашивает, нравится ли мне сейчас кто-нибудь. Я отвечаю: «Да».

Бабушка говорит, что по молодости тоже была ничего. Дед улыбается и говорит, что бабушка и сейчас хорошо выглядит.

Бабушка любит показывать мне старые альбомы фотографий. На фотографиях видно улыбающиеся лица. Взгляд у людей совсем другой. Я не замечаю таких в толпе, когда гуляю по городу.

Бабушка и дедушка живут вместе уже очень долго. Их связывают крепкие узы. Я о таком могу только мечтать.

Я прошу у бабушки совета.

– Всякое дело концом хорошо, – говорит она.

После школы мы с Димой обычно прогуливаемся по одному и тому же маршруту. Мы огибаем школу, доходим до садика. Пересекаем стадион, выходим на пустырь. Там все заросло мертвой травой. Скрюченные деревья сгрудились в ветвистую кучу. Землю под ними усеял мусор.

От пустыря мы выходим к недостроенному зданию магазина.

Нестроенные здания напоминают мне невыполненные цели.

Дима рассказывал мне про одного японского солдата. Этот солдат жил на одиноком острове в Тихом океане. Даже после конца Второй мировой войны солдат выполнял приказ командира. Приказ был – сражаться. Так длилось очень долго. Потом старого вояку все-таки выманили с острова. Когда солдата привезли в современный Токио, тот обомлел. Он увидел совершенно другой мир. Он попал в будущее без всяких сывороток и супер сложных машин времени.

Дима думает, что было бы здорово жить на острове. Он завел бы там свои порядки. Перепробовал бы все политические строи. Таким образом, он хочет на своем опыте убедиться в том, насколько заблуждается человечество. Ведь оно постоянно воюет, угнетает, придумывает финансовые корпорации, банки, кредиты, лизинги, займы, ипо-

теки, социал-демократии, интернет, конвергентные СМИ, ограниченные монархии, адронные коллайдеры, марксизм, деспотии, рекламу, философию, однополые браки, двигатели на тысячи лошадиных сил, оптоволокно, камеры с большим разрешением матрицы, жесткие диски, полимеры, наркотики, съезды правящих партий, коммуны, психоделический рок, немецкий угол съемки, опричнину, клонирование, модернизацию, особые предложения в супермаркетах.

– Человечество решает слишком сложные проблемы и забывает о простых, – говорит Дима.

– То есть?

– О человеке забывают, – отвечает Дима.

Будущее для Димы невозможно без настоящего. Иногда он путается в этих понятиях. По его мнению, время для каждого течет по-своему.

Пусть он и путается в суждениях. Мне гораздо важнее, что мы друзья.

Мы с семьей снова ходили в гости к соседям.

Мы ужинали за большим столом. Сосед рассказывал отцу про свой бизнес. В девяностые ему приходилось туго. Процветал бандитизм. Экономика шаталась из стороны в сторону. Сосед даже хотел свернуть дело; но со временем ситуация выровнялась. Он поставил себе одну задачу и постепенно выполнял ее. Он экономил, осторожничал, терпел. Сейчас ему не на что жаловаться. Он говорит, что все, что не делается, это к лучшему. Надо просто точно знать, чего хочешь. Он хотел денег для семьи.

Тут мой папа подался в фатализм. Иногда на него что-то находит, и он размышляет о судьбе.

– Человек не в силах повлиять на все события, – сказал папа.

Он привел пример. Однажды он составлял отчет. Проверял каждую цифру по многу раз. Редактировал, уточнял. Он бился с этим отчетом целую неделю. В итоге он все равно допустил ошибку: добавил всего одну лишнюю цифру. Это стоило ему премии к зарплате.

Сосед развел руками.

– Мелочи, – так он сказал.

Он добавил, что хорошо, если мы, взрослые, это все понимаем. Но вот что насчет молодых?

Сосед пожаловался на недопонимание между ним и дочкой. Он не знает, чего та хочет. Он не знает, куда собирается поступать его дочь. Он требует от нее конкретики.

– Ты моя плоть и кровь. Ты мое будущее! – сказал сосед. Моя соседка это никак не прокомментировала.

– Или конкретно определяйся, или я все сам за тебя решу, – сказал ее отец.

Ее мама попыталась успокоить мужа, который в ответ начал тираду про «безответственность».

– Пусть ребенок наслаждается юной порой, – сказала мама соседки.

Сосед как-то по-особому повторил слово «наслаждается».

– Может не стоит так давить на детей? В конце концов, они вынесут свое решение, – спросил папа.

Сосед сказал: «Эх», и махнул рукой.

Тут моя соседка вышла из-за стола. Мама сделала мне знак рукой, и я прошел за соседкой в комнату.

В комнате было полутемно. Соседка сидела ко мне спиной.

Я попробовал заговорить, но слова потонули в тишине.

Соседка повернулась ко мне и спросила, считаю ли я ее нерешительной.

Я не думая ответил: «Нет».

Она спросила, чего бы я сейчас хотел.

Я ответил:

– Чтобы этот момент длился как можно дольше.

И мы просто сидели и молчали. Кругом лежали ее вещи. Необычные, красивые, притягивающие. Она тоже казалась мне вещью. Я попытался представить ее отдельно. Только ее.

Я долго на нее смотрел, и она, заметив это, спросила, зачем я так делаю. Я объяснил. Она ответила, что ее невозможно представить «просто так без всего». И меня тоже нельзя. Затем она дотронулась до моей руки, и я почувствовал, как будто меня подключили к сети. Все собралось в цельную картину.

Я поцеловал ее в щеку.

Она застыла в одной позе. Мне все время казалось, что она встанет и уйдет.

Мы договорились о встрече, и я начал отсчет времени. Только бы не прозябать.

Я зачеркнул одну цель в голове, но на ее месте тут же появилось еще несколько.

Сколько же их много.

Мы прознали, что у нашего реконструктора появилась поклонница. Один раз после уроков мы видели их вместе.

Миши сразу начали шутить на эту тему. Дима остался равнодушен.

Я узнал подругу Миши: это одноклассница моей соседки.

В тот день мы гуляли вчетвером. Миши затеяли разговор насчет девушек. Они никогда ни с кем не встречались и считают, что их увлечения важнее.

Дима высказался по поводу женской эмансипации:

– Раньше девушки были покорными. Они были хранительницами очага и во всем подчинялись воле мужчины.

Затем разговор повернулся в сторону истории. С одной стороны Дима поддерживает большевиков в том, что те позволили всем девушкам получать образование. С другой стороны он видит в женской эмансипации причину упадка института семьи. Дима говорит, что для девушек чувства должны быть важнее разума, а для мужчины наоборот.

Так сказал Дима.

На следующий день мы отважились спросить Мишу насчет его подруги.

– Это так. Неважно, – ответил он.

Миша долго не хотел говорить, что его пригласили на вечеринку в соседнюю школу.

Тут в разговор вмешался Дима:

– Ну как же рыцарю без дамы сердца? Ведь они не и дня не могли прожить без своей возлюбленной. Если рыцарь влюблялся, то это все: пиши пропало. Либо он без конца караулил ее под балконом, либо сражался на турнирах.

Миша сказал, что ему нужно время, чтобы все обдумать.

Мой пожилой сосед каждый день гуляет с собакой.

Он гуляет с ней с утра, пока я иду в школу. Собака при виде меня сразу начинает лаять. Она бежит ко мне и лижет мне руки.

Вечером сосед тоже выгуливает собаку. Я иногда смотрю на них из окна. Хозяин кидает собаке мячик, а она приносит мячик обратно. Так повторяется по многу раз.

Все выглядит так, словно бы мир был создан только для того, чтобы они могли играть в мяч каждый вечер. Кто знает, может это и позволяет Земле крутиться без остановки.

Я замечаю многие маленькие дела, из которых складывается наша жизнь. Утром я намазываю на масло хлеб. Я распределяю его ровными волнами. Они словно рябь на воде в летний денек. Строители каждый день поднимают в воздух десятки бетонных плит. Они похожи на пережаренные тосты. Учителя в школе заполняют классный журнал. Чертят формулы на доске. Мои одноклассники делятся друг с другом последней информацией. Они обмениваются записками на уроках. Смеются. Спорят. Складывают учебники в портфель. Выкладывают их наружу. Бегают в спортзале по кругу. Они совсем как стрелка часов. Три круга в одну сторону и три в другую. Кто-то запустит мяч в воздух. И он летит вперед, через время и пространство.

Папа щелкает каналы по телевизору. Идут новости: сюжеты про политику, про новые законы Думы, про войну на Ближнем Востоке, коррупцию, и бабушку, которая питается солнечной энергией. По другому каналу идет передача про хищников саванны. Вот гепард разгоняется до скорости легкового автомобиля и нагоняет жертву. А потом кормит ею своих детей. На историческом канале идет передача про поколение хиппи. Показывают длинноволосых парней и девушек. Все они одеты в цветастые рубахи. Они ходят на демонстрации или лежат в поле рядом с разноцветными фургончиками. Рассказывают, что борются за любовь и мир во всем мире. Я спрашиваю отца, добились ли они своего. Папа вздыхает и говорит, что мало кто чего добился с такими абстрактными лозунгами.

– Прежде всего, надо начинать с себя. Нужно меняться к лучшему, – говорит папа.

Мама занята чтением. Она бегаёт глазами по строчкам, придерживая голову рукой. С приятным шумом перелистываются страницы.

Однажды я смотрел один немецкий фильм. Один из его героев сказал: «Единственный путь стать умным – это читать книги». Мама говорит, что в книгах человек выражает либо боль, либо несогласие. Я спрашиваю: «А как же любовь?». Она говорит, что подразумевала и ее.

После окончания университета мама на некоторое время потеряла интерес к чтению. Она хотела исследовать мир,

а не страницы книг.

Иногда мы вместе смотрим в окно, как сосед-старичок бросает собаке мяч. Мама говорит, что это могло бы запросто стать темой для рассказа. Она предложила мне три варианта развития сюжета: комедийный, трагический и философский.

Недавно мама убиралась у меня на столе и нашла набросок моего рассказа. Она сказала, что мне явно кто-то нравится.

– Нет смысла превращать все в высокую поэзию. Иногда достаточно просто поделиться с человеком своими мыслями. А затем организовать совместный досуг, – сказала мама.

Мы обсуждали будущее.

Я спросил свою соседку про мечту. Она мечтает стать художником, кинорежиссером, музыкантшей. Соседка до сих пор не определилась, ведь ей одинаково нравятся все эти профессии.

Она тоже спросила меня о мечте. Я ответил, что хотел бы быть счастливым. Для этого мне понадобится хорошая работа и верная спутница. Я попытался придвинуться к соседке, но у нее тут же возникла потребность переместиться в другой конец комнаты.

Моя соседка расчертила лист бумаги на две колонки. В первой – ее увлечения. Во второй – возможные профессии, которыми она могла бы заниматься.

Интересы:

- 1) Музыка
- 2) Кино
- 3) Литература
- 4) Изобразительные искусства
- 5) История

Профессии:

- 1) Дирижер, музыкантша, музыковед, преподавательница

по классу (вставить нужное)

2) Режиссер, сценаристка, оператор, актриса

3) Писательница, литературный критик, журналистка, библиотечарша (только не это)

4) Художница, дизайнер.

5) Историк, археолог, преподавательница

Потом она записала все вузы, в которые собирается подавать документы.

Также она пометила два пункта:

– *Остаться дома*

– *Учиться в другом городе*

Она смотрела на проделанную работу и улыбалась. Потом запустила руки в волосы и подбросила их вверх быстрым движением.

– Пусть теперь отец попробует что-то сказать, – сказала она.

Потом соседка спросила меня, что я думаю насчет будущего. Я ответил что-то невнятное. Она упомянула про мое писательство. Я лишь пожал плечами и вспомнил, как уничиждал свои стихи.

Моя соседка посоветовала подать документы в Литературный институт.

Мы зашли на сайт института и посмотрели список необходимых для поступления вещей: помимо результатов экзаменов также требуется прислать свои рассказы.

Я подумал, что попробовать стоит. Я же не смогу потерять все даже в случае провала этой затеи.

Остальное время мы провели на прогулке. Было солнечно. Кипела стройка. Молодые мамы гуляли с детьми. Школьники играли на площадке у дома. Каждый был занят своим делом. Каждый был по-своему нужен для общей композиции.

Я обратил внимание на одного ребенка. Он стоял у горки. Его друзья скатывались вниз и снова поднимались вверх по горке. А тот ребенок просто стоял в стороне и о чем-то думал. Может быть, он заслушался, как забивают сваи. Может, он устал. Он никому не мешал. Он ни с кем не разговаривал и никому не причинял вреда. Остальные дети смеялись над ним и показывали на него пальцем.

Потом к нему подошел еще совсем малыш и невнятно сказал:

– Пляхой!

Ребенок повесил голову на грудь и отошел в сторону.

Я спросил у своей соседки, считает ли она меня плохим человеком. Она сказала: «Нет». Тогда я скорчил сердитую рожу и повторил вопрос. Она снова сказала: «Нет». Я взял в руки камень с земли и запустил им в недостроенный дом. У меня стучало в висках.

Она спросила:

– А если бы дом был жилой, ты бы кинул в него камень?

– Наверное, нет, – ответил я.

– Тебе страшно?

Я сказал, что чуть-чуть. И она легонько погладила меня по плечу.

У меня состоялся разговор с Мишей.

Я заходил к нему в гости и видел, как он работал над доспехами.

Основную работу он проделывает в кузнечной мастерской. Дома у него хранятся кое-какие заготовки и кольчуга. Каждый раз после посещения клуба Миша приносит доспехи домой и ставит их в углу. Они выглядят тускло. Но Миша говорит, что так и положено. Над ними еще нужно поработать.

Я пытаюсь понять, как кусок металла способен изменить жизнь моего друга. Спрашиваю Мишу, почему он так загорелся этим делом. Миша отвечает, что хочет получить надежную защиту.

Я спрашиваю его насчет его подруги. Миша уходит от ответа. Говорит, что вообще-то не собирается идти на вечеринку.

И снова стучит по металлу.

Родители Миши поддерживают увлечение сына. Правда, его мама немного волнуется из-за здоровья сына. Его папа частенько сидит с нами в комнате Миши. Он постоянно дает ему советы на будущее.

Некоторое время назад папа Миши потерял работу. Теперь он хочет, чтобы у сына никогда не было таких проблем.

Он желает ему безоблачного будущего и постоянно спрашивает, чем же ему помочь. Он собирает информацию чуть ли не обо всех российских вузах. Звонит друзьям и родственникам, чтобы узнать, сколько получают там или тут различного рода специалисты.

Папа Миши иногда уходит из дома. За то время, пока я сижу у Миши, это может произойти несколько раз.

За работой над доспехами Миша молчит. Он с машинной точностью клепает кольчугу. Поправляет неровности на доспехах. Натирает их до мутного блеска.

У Миши есть шкаф, который уставлен оловянными фигурками воинов. Среди них есть витязи, самураи, наполеоновские гвардейцы, казаки, рыцари, египетские лучники, мамлюки, немецкие автоматчики, французская пехота времен первой мировой войны, русский солдат с винтовкой. Все они перемешаны друг с другом. Века и культуры стоят плечом к плечу.

На верхней полке шкафа покоится недостроенная модель корабля. Миша планировал пустить корабль по реке, но сейчас он занят более важным делом.

Мама Миши печет вкусные пироги. Кажется, в последнее время она стала печь еще больше. Она приносит в комнату целую тарелку с пирожками. От них еще идет пар.

За окном комнаты Миши находится заросший двор.

Раньше мы много там гуляли. Мы находили себе палки и ломали ими сухостой. Мы воображали себя рыцарями или

конкистадорами. Особенно большие репы было сложно сломать с одного удара. Я наносил удар за ударом, а репей все не ломался. Тогда я налегал на него всем телом, и сухое растение падало на землю. Я чувствовал себя маленьким победителем.

Иногда мы находили в гаражах химикаты и поджигали ими нашу маленькую степь. Огонь быстро расходился и бесследно уничтожал наших воображаемых врагов.

Время от времени мы находили киноленту, которую выкидывали из близлежащего кинотеатра. Я любил разглядывать маленькие негативы. Мне запомнился кадр с каким-то всадником на черном коне. А еще тот, где дети бегут по большой луже. И непонятно, где заканчивается вода и начинается небо.

Пленку мы либо сжигали, либо забрасывали на деревья. И нам казалось, что превращенная в дым пленка становилась частицей нашего мира.

Порой нам попадались виниловые пластинки. Мы запускали их в воздух, и они долго летели по нему черными кляксами.

Все, что попадало на задний двор, становилось предметом игры нашего воображения. Пропадая из дома, вещи обретали новую жизнь вне его.

Сейчас мы редко выбираемся на задний двор.

Недавно там спиливали деревья. Они падали на землю, усыпанную опилками. Странно, но раньше деревья казались

мне вечными.

Теперь мы смотрим на задний двор совсем другими глазами. Все в нем стало для нас слишком ясно. Есть соседний дом, который построили по программе доступного жилья. Вот подвал: там спрятаны трубы, которые несут воду и тепло в наши квартиры. Есть сухая трава: летом она становится зеленой. В гараже стоит старая «копейка», которую уже никто не заводит. Пленку больше не выкидывают, потому что кинотеатр перешел на цифровое изображение.

Только Миша продолжает стучать по железу, а я смотрю на него, словно замороженный.

Я теряюсь среди большого скопления людей. Я не могу понять, какое место в толпе мне следует занять. Может, за тем мужчиной в большой шапке? Или встать у толпы подростков?

Зато в поле такой проблемы нет. Там, куда не глянь, незаполненный ничем простор.

Скоро поле застроят домами вплоть до самого шоссе. Но пока я еще могу наслаждаться тем, как там тихо и спокойно. Когда на поле налетает ветер, то трава издает особый шелест: «Шшух-шшух».

Соседка предложила мне пройти цветовой тест Люшера.

– Так мы сможем точно определить твои проблемы, – сказала она.

В тесте нужно было поочередно выбирать цвета: от тех, которые нравятся больше, к тем, которые нравятся меньше. Процедура заняла совсем немного времени. Я даже не успел втянуться, а мне уже выдали результат.

Испытывает потребность в мирном окружении. Желает избавления от стресса. Предпринимает огромные усилия для того, чтобы держать ситуацию и существующие проблемы под контролем. Для этого старается продвигаться вперед с осторожностью. Высоко развита чувственная восприимчивость и способность различать отдельные детали

в общей картине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.